

Временное правительство¹

Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г.

Составление, послесловие, примечания С. М. Исхакова

М.: Книга, 1991.

OCR Ловецкая Т. Ю.

23 февраля жена моя должна была вернуться из Раухи, в Финляндии, куда она уехала с сыном еще в середине января и где оставалась несколько дней после возвращения сына, поправляясь от бронхита. Я ездил на вокзал ее встречать и живо помню, как на пути домой я рассказывал ей, что в Петербурге очень беспокойно, рабочее движение, забастовки, большие толпы на улицах, что власть проявляет нервность и как бы растерянность и, кажется, не может особенно рассчитывать на войска -- в частности на казаков. В пятницу, 24-го, и в субботу, 25-го, я ходил, как всегда, на службу. 26-го, в воскресенье, Невский получил вид военного лагеря -- он был оцеплен. <...>

Утром в понедельник, 27-го, я, как всегда, в десять часов утра отправился на службу. Азиатская часть главного штаба помещалась тогда в здании бывшего главного управления казачьих войск, на Караванной против Симеоновского моста. В три часа я пошел домой по Невскому, по которому в это время уже был свободный проход и толпились массы народу.

К вечеру Морская -- насколько можно было видеть из окон, в особенности из боковых окон тамбура, выходящего на улицу и дающего возможность обозревать ее до "Астории", с одной стороны, и до Конногвардейского переулка, с другой -- совершенно вымерла. Начали проноситься броневики, слышались выстрелы из винтовок и пулеметов, пробегали, прижимаясь к стенам, отдельные солдаты и матросы. Временами отдельные выстрелы переходили в оживленную перестрелку. Временами, но всегда на короткое время, -- все затихало. Телефон продолжал работать и сведения о происходившем в течение дня передавались мне, помнится, моими друзьями. В обычное время мы легли спать. С утра 28 февраля возобновилась пальба на площади, а также в той части Морской, которая идет от лютеранской кирхи к Поцелуеву мосту. Выходить было опасно -- отчасти из-за стрельбы, отчасти потому, что с офицеров начали срывать погоны, и уже ходили слухи о насилиях над ними со стороны солдат. Часов в 11 утра (может быть, даже раньше) под окнами нашего дома прошла большая толпа солдат и матросов, направляясь к Невскому. Шли беспорядочно и нестройно, офицеров не было. В эту толпу, по-видимому, стреляли -- не то из "Астории", не то из министерства земледелия: точно это никогда не было установлено, да и самый факт стрельбы также не установлен, -- возможно, что это было позднее выдуманно. Как бы то ни было, под влиянием ли выстрелов (если они были) или по каким-либо другим побуждениям эта толпа начала громить "Асторию".

Весь вторник, 28-го, а также среду, 1 марта, я не выходил из дому... Утром 2 марта уже офицеры могли свободно появляться на улицах, и я решил отправиться в Азиатскую часть выяснить положение. Придя туда, я застал на первой большой площадке огромную толпу служащих, офицеров и писарей. Я быстро прошел в наше собственное помещение, но через некоторое время пришли мне сказать, что меня просят, чтобы сказать несколько слов по поводу происшедших событий. Я пошел к собравшимся; меня встретили аплодисментами. Мы все перешли в большую залу. Я взобрался на стол и сказал краткую речь. Точно не помню своих слов, -- смысл их заключался в том, что деспотизм и несправедливость свергнуты, что победила свобода, что теперь долг всей страны ее укрепить, что для этого необходима неустанная работа и огромная дисциплина. На отдельные вопросы я отвечал, что я сам еще не в курсе происшедших событий, но что собираюсь днем в Государственную думу и там все, конечно, узнаю в подробности, а завтра мы все можем вновь собраться. На этом мы и покончили, служащие разошлись, оживленно разговаривая. Я недолго пробыл в Азиатской части, где не было ни начальника ее, генерала Манакина, ни ближайшего его помощника, генерала Давлетшина², и где, разумеется, в этот день ни о какой работе нельзя было думать. Вернувшись домой, я позавтракал, и в два часа снова вышел, с намерением пробраться в Государственную думу.

На углу Невского и Морской я как раз столкнулся со всем составом служащих главного штаба, которые шли в Государственную думу для того, чтобы заявить Временному правительству, о сформировании которого только что стало известно, свое подчинение ему. Я к ним присоединился, мы пошли по Невскому, Литейной, Сергиевской, Потемкинской, Шпалерной. На улицах была масса народу. Везде видны были взволнованные, возбужденные лица, уже висели красные флаги. На Потемкинской мы встретили довольно большую толпу городских, которых вели под конвоем, -- по-видимому, из манежа Кавалергардского полка, куда они были заключены при начале восстания.

В эти 40--50 минут, пока мы шли к Государственной думе, я пережил не повторившийся больше